

ЛИДИЯ ЧАРСКАЯ

Лишний рот

Источник: **Чарская Л.А.** Записки сиротки / Илл. Э. Соколовского, М. Андреева. - М.: Изд-во Эксмо, 2003. - 560 с., илл. (Детская библиотека).

Сканирование, распознавание, вычитка - Глюк Файнридера

Глава первая

Отец Паисий, священник бедного пригородного слободского прихода, только что закончил свою вечернюю молитву и, сбросив с себя подрясник, готовился лечь в постель, как неожиданный стук в дверь заставил его вздрогнуть и насторожиться.

Стучали в сенях. Был двенадцатый час ночи, и поздний посетитель не мог не удивить отца Паисия. На улице стояла непроглядная январская вьюга, крутила метель, залепляя редкие слободские фонари, и нестерпимо жутко выл-завывал ветер. Отец Паисий снова запахнул на себе сброшенный было подрясник и торопливо прошел в сени.

- Кто тут? - повышая голос, бросил он в темноту.

- Батюшка, до вашей милости пришли. Не откажите прийти напутствовать умирающую. На ладан дышит, необходимо поисповедать, причастить и отходную прочитать над нею. Помрет к утру, по всей вероятности, - глухо звучал как будто знакомый батюшке голос за дверью.

- Кто умирает-то? - осведомился священник, снимая тяжелый крюк у входа и пропуская позднего гостя в сени.

- Да бобылка слободская, здешняя... Муж-то давно помер, а она на здешних наших пригородниц портняжила. Дюже захворала бедняга. Соседи мы, я башмачник Иванов, коли милость ваша, отец Паисий, признать изволите, - вашего прихода тоже; так не откажите к Федосьевне, Христа ради, пройти...

- Хорошо, хорошо, пройду. Господь в своей милости никому отказывать не станет... А нам, грешным, и подавно воле его следовать должно. Что на улице-то крутит, голубчик? - спросил батюшка.

- И-и, как крутит, отец Паисий. Прямо-таки зги не видать. Фонарь-то нелишне прихватить будет вашей милости, уличные то и дело от ветра гаснут... Страсть разыгралась как непогодушка нынче.

- Ладно, ладно, и фонарь возьмем, - откуда-то уже из дальней комнаты долетел сюда голос батюшки. А минут через десять из домика священника, находившегося близ кладбища, около деревянной скромной церкви, вышли две темные фигуры и замаячили среди метели по слободской улице. Впереди шел с фонарем в руках сапожник Иванов, позади его отец Паисий, держа одной рукою дароносицу и серебряный крест и Евангелие для исповеди, завернутые в епитрахиль, другою то и дело запахивая верхнюю одежду.

Ветер рвал нестерпимо и валил с ног путников. Вьюга залепляла им глаза. Метель свистела в уши. С трудом миновали широкую улицу и вышли на площадь, где приезжие окрестные крестьяне торговали сельскими продуктами в базарные дни. Отсюда свернули в переулок, где тоже бушевал ветер и хозяйничала разозлившаяся вьюга. Около покосившегося домика с двумя крохотными оконцами и оторванной ветром вывеской, надпись на которой менее всего можно было рассмотреть сейчас, сапожник остановился:

- Вот сюда пожалуйста, батюшка. Да поостерегитесь, ступеньки у них подгнили, того и гляди, провалятся, - предупредил он и, поддерживая под локоть священника, помог ему взойти на крыльцо.

Уже в сенях отца Паисия встретил запах лекарств и то неуловимое, сопровождающее присутствие тяжело больного в доме настроение, которое определить словами нельзя и которое можно только прочувствовать. Бледная полоска света, игравшая под недоходящими до пола дверями, помогла пришедшим найти и самую дверь. Сапожник пошел первый, за ним проследовал батюшка. В комнате, освещенной огарком, находилось несколько женщин. Они о чем-то усиленно совещались, чуть приниженными голосами, окружая постель, или, вернее, нечто похожее на постель - состоявшую из жесткой широкой лавки, с брошенной на нее подушкой и каким-то грязным тряпьем, заменяющим матрац. На этом тряпье лежала худая, как скелет, желтая женщина с изможденным лицом и глубоко ушедшими в орбиты глазами. Она тяжело дышала широко раскрытым, запекшимся ртом. Искаженное лицо ее выражало нестерпимое физическое страдание, казалось, глаза ее смотрели, уже ничего не видя... С глухим хрипом поднималась и опускалась ее впалая грудь.

При виде вошедшего священника женщины засуетились и заматались по комнате.

- Батюшка пожаловал... Слышь, Федосьевна, исповедаться бы да Св. Тайн приобщиться тебе, -